

Белинская Е.П. Смысловые характеристики понятия «язык» в современной российской этнопсихологии (на материале научных периодических изданий)

English version: [Belinskaya E.P. Semantic characteristics of the concept of language in modern Russian ethno-psychology \(based on scientific periodicals\)](#)

Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

С социально-психологической точки зрения рассматриваются особенности социалингвистической ситуации на постсоветском пространстве; эмпирически определяются количественные и качественные характеристики концепта «язык» на материале современной этнопсихологической литературы; анализируется динамика основных функций русского / родного языков.

Ключевые слова: социалингвистика, этнопсихология, язык, родной язык, статус языка, коммуникативная функция языка, символическая функция языка

Социальный и гносеологический контекст исследования

Разнообразие и закономерно вытекающая из него сложность современной лингвистической и социалингвистической ситуации на территории стран бывшего СССР не нуждается в развернутых доказательствах. Образование на границах с Российской Федерацией из бывших советских республик независимых суверенных государств, обладающих не только собственным правом территориальной целостности, но и проводящих самостоятельную языковую политику, объективно задает активную социалингвистическую динамику постсоветского пространства.

Очевидно, что в самом общем смысле основной вектор этой динамики складывается из различных взаимосвязей двух процессов: преобразований статуса русского языка и динамики статуса национального языка (или языков). Заметим, что итоговый статус того или иного языка является результирующей всего набора тех функций, которые он выполняет. К последним относятся не только социальные функции (язык как средство коммуникации в административной сфере, образовании, науке, культуре, то есть те функции, которые свойственны национальному, или государственному, языку), но и функции, имеющие гораздо более выраженное психологическое и социально-психологическое содержание. С этой точки зрения язык может выступать как средство повседневной коммуникации, опора для этнической идентификации, способ социальной самокатегоризации субъектов-носителей языка и так далее. В последнем случае наиболее принятым является определение языка как «родного» [Швейцер, 2009].

Понятно, что конкретная реализация взаимосвязанной динамики статусов русского и национального языков может быть крайне сложной и противоречивой, а в известном числе случаев – откровенно конфликтной. Представляется, что в целом подобная конфликтность определяется тремя группами факторов. Во-первых, юридическим статусом языков (русского и каких-либо иных) – причем здесь возможны как ситуации равнозначного официального статуса (типичным примером может служить

Белоруссия), так и неравнозначного (как, например, в Казахстане или Узбекистане). Во-вторых, конфликтность статусов различных языков зависит от количественного распределения носителей языков внутри страны в целом и/или в определенном ее регионе, что, в свою очередь, может быть обусловлено историческими, демографическими или же социально-экономическими причинами. Наконец, в-третьих, конфликтные взаимоотношения языков могут определяться степенью реальной выраженности их психологических и социально-психологических функций. Так, например, для родившегося и выросшего в Ташкенте таджика таджикский язык будет родным; возможным, наряду с русским, языком повседневной коммуникации, но не имеющим, в отличие от него, никакого юридического статуса, и при этом языком этнического меньшинства.

Заметим, что по ряду социологических данных (см., например, данные Института Гэллапа за 2009 год) именно степень конфликтности итоговых статусов русского и национальных (государственных) языков в значительной степени задает специфику прогностического отношения представителей тех или иных народов и этносов постсоветского пространства к русскому языку и, соответственно, к русской культуре в целом. Так, например, желание изучения русского языка для своих детей в наибольшей мере высказывают жители и так хорошо знающей его Белоруссии, а в наименьшей – Азербайджана. Очевидно, что причины подобной ситуации лежат, скорее, в социокультурной и психологической плоскостях, нежели в социально-политической.

Но сложность и многогранность современной социолингвистической ситуации на территории бывшего СССР имеют не только объективное выражение. В значительной степени они социально конструируются, отражаясь в смысловом разнообразии определений, применяемым к тем или иным языкам и/или ситуациям их существования. Как представляется, значительную роль здесь играет не только и не столько общественно-политический, но научный дискурс. Ведь множественность значений, которые вкладываются представителями различных областей гуманитарного знания в одни и те же определения «вокруг» центрального концепта «язык», лишь в некоторой степени задается юридическими и политическими актами, направленными на урегулирование и решение языковых контактов и межкультурных взаимодействий. В гораздо большей мере они зависят от ценностных установок самих исследователей. В подтверждение этого тезиса можно вспомнить как минимум две традиции. Во-первых, постулаты социологии знания, заложенные еще в рамках концепций Э.Гуссерля и К.Мангейма, согласно которым научное мышление может быть понято лишь в его конкретной связи с исторической и социальной ситуацией, а во-вторых – поздние представления П.Бергера и К.Лукмана о ведущей роли языка в социальном конструировании реальности.

Согласно П.Бергеру и К.Лукману, именно в системе употребления языка находит свое выражение различное видение мира, в том числе – и научное. Объективируя столь изменчивый сегодня социальный опыт, множественные значения тех или иных слов отражают эти изменения, а потому «картина мира неизбежно рисуется всякий раз при помощи другого набора слов и значений» [Бергер, Лукман, 1995, с. 110–114]. Более того – терминологическая множественность всегда есть следствие кодирования неких событий в соответствии с тем, как они были проинтерпретированы в определенной системе отношений, ведь «термины – это не картинки событий, а своего рода локальные способы говорить, используемые для координации отношений между людьми внутри определенного сообщества» [Gergen, 1994, p. 74]. Иными словами, в рамках парадигмы социального конструкционизма термины всегда конвенциональны. Заметим здесь же, что подобный ракурс анализа языковой реальности более чем характерен для современной социальной психологии, все более и более обращенной сегодня (в силу того же парадигмального слома) к исследованиям «субъективной рациональности» [Андреева, 2009]. Соответственно, встает вопрос о содержании этих конвенций в рамках научного дискурса, в частности – этнопсихологического. Почему именно в нем?

Прежде всего, потому что для этнопсихологии понятие «язык» является одним из центральных концептов. В рамках этой области знания язык традиционно рассматривается как один из основных этнодифференцирующих признаков. С самого начала возникновения этнопсихологии как самостоятельной области научного знания внимание исследователей было в значительной степени приковано к проблемам языка. Так, еще с точки зрения Г.Штейнталя и М.Лацаруса, язык (наравне с религией, правом, искусством и другими социальными практиками) получает свое конечное объяснение в психологии народа, становясь носителем коллективных памяти, воли, чувств, характера.

Эта мысль получит свое дальнейшее развитие в «психологии народов» В.Вундта. Так, согласно

Вундту, различные формы социальной солидарности, совместная жизнь и взаимодействие порождают принципиально новые явления, управляемые своими законами, не сводимыми к законам индивидуального сознания. Эти новые явления суть общие представления, чувства и стремления того или иного народа, которые проявляются в языке, мифах и обычаях, причем именно язык содержит в себе общую форму живущих в народе представлений и законы их связи [Вундт, 1998].

Ведущая роль языка в становлении и развитии процессов социальной категоризации традиционно подчеркивалась и отечественными учеными-обществоведами. Так, с точки зрения А.А.Потебни, именно язык обуславливает приемы умственной работы человека, закрепляя в общественном дискурсе определенные способы категоризации и самокатегоризации. Язык тем самым становится для человека основным средством формирования картины мира, которая естественным элементом включает и его самого. Почему?

Согласно позиции А.А.Потебни, сущность вещей принципиально непознаваема, первоначально человек имеет дело с хаосом чувственных ощущений, в которые лишь слово может внести относительный порядок. «Только понятие (а вместе с тем и слово как необходимое его условие) вносит идею законности, необходимости, порядка в тот мир, которым человек окружает себя и который ему суждено принимать за действительный» [Потебня, 2010, с. 131]. Соответственно, именно язык становится главным фактором «народности» (т.е. в современной терминологии – этнической идентичности), в основе которой лежит ощущение общности на основе всего того, что отличает один народ от другого.

К роли языка в дальнейшем обращается и Г.Г.Шпет, утверждая идею создания новой для того времени области знания – этнопсихологии. Определяя предмет этнопсихологии как изучение коллективных переживаний, Г.Г.Шпет подчеркивает в этом центральную роль языка. И это понятно – ведь анализ переживаний и изучение субъективной культуры (иными словами, не продуктов культуры как таковых, а отношения человека к ним) невозможен без исследования тех словесных форм, в которых эти коллективные переживания выражаются и закрепляются [Шпет, 1996].

Задачи, процедура и метод исследования

Иными словами, начиная с самых первых исследований в качестве центральных для этнопсихологии выступали коммуникативная и символическая функции языка, и потому сам этот концепт являлся и является одним из основных для данной области знания. На сегодняшний день для этнопсихологического научного дискурса этот тезис уже общепризнан. Поэтому логично было предположить, что, во-первых, смысловые характеристики понятия «язык», используемые в современной этнопсихологической литературе, будут достаточно частотными и разнообразными, а во-вторых – смогут отражать те реальные социолингвистические процессы, которые идут на территории нашей страны. Но отметим здесь же небезынтересный факт.

Первоначальной задачей данного исследования было выяснение смысловых характеристик таких концептов, как «этнический язык», «национальный язык» и «родной язык», с целью их сопоставления с аналогичными характеристиками других научных дискурсов, в частности юридического. Однако достаточно неожиданно обнаружившийся с самого начала исследования общий дефицит определений слова «язык» в отечественной этнопсихологической литературе заставил нас расширить поле эмпирического поиска.

Итак, задачей нашего исследования стало определение количественных и качественных характеристик концепта «язык» в современной этнопсихологической литературе. В качестве эмпирического объекта исследования была выбрана научная периодика как более «реактивная» по отношению к изменяющейся социальной реальности по сравнению с учебной и/или монографической литературой. В силу отсутствия в России специализированных журналов по этнопсихологии, в качестве источников для формирования базы данных были выбраны ведущие научные журналы по психологии, а именно: «Вопросы психологии», «Психологический журнал», «Мир психологии».

Мы рассматривали следующие периоды публикаций (нетрудно видеть, что они отстояли друг от друга на десять лет): первый период – 1989–1990, второй период – 1999–2000, третий период – 2009–2010 годы.

Очевидно, что первый из этих периодов фиксировал время начала перестройки. Это было время своеобразного общественного ожидания масштабных социально-политических и экономических отечественных преобразований. Время еще продолжающего свое существование СССР, но уже начинавшихся процессов его дезинтеграции, что, в частности, выразилось в старте межнациональных конфликтов в ряде регионов страны (война в Карабахе, ситуация в Прибалтике), повлекшем за собой и начало динамики общей социолингвистической ситуации.

Второй период – 1999–2000 годы – фактически завершал «бурные 90-е годы». Иными словами, то время, на которое пришлось основное количество радикальных социальных изменений: распад СССР, образование на его территории суверенных государств из числа бывших союзных республик, децентрализация и распад многих экономических и культурных взаимосвязей и, как закономерное следствие, – утверждение языковой дезинтеграции на территории бывшего СССР.

Наконец, третий период (2009–2010 гг.) совпадал с актуальным моментом. В силу поискового характера исследования основной его гипотезой выступало общее предположение о том, что динамика социолингвистической ситуации на пространстве бывшего СССР количественно и качественно отражается в определениях концепта «язык» в этнопсихологическом дискурсе, в частности – в соответствующей научной периодике.

Процедура исследования состояла в следующем. Для каждого периодического научного издания анализировались все его номера по трем выделенным временным периодам (1989–1990; 1999–2000; 2009–2010 гг.).

На первом этапе в каждом периодическом издании за каждый анализируемый период выделялись все статьи этнопсихологической проблематики и проблематики по кросскультурной психологии. (Заметим, что в рамках отечественной социально-психологической традиции этнопсихология и кросскультурная психология рассматриваются фактически как единое предметное поле.)

На втором этапе по всему массиву выбранных статей выделялись все используемые определения понятия «язык», включая смысловой контекст их употребления; после чего составлялась сетка контент-анализа и проводилась процедура контент-анализа выбранного текстового массива отдельно по каждому изучаемому временному периоду.

На третьем этапе проводился сравнительный анализ качественных и количественных характеристик тех или иных категорий и/или подкатегорий контент-анализа по всем трем изучаемым временным периодам.

Результаты и их обсуждение

Прежде всего отметим, что количество статей по этнопсихологической и/или кросскультурной проблематике во всех анализируемых источниках оказалось крайне невелико вне зависимости от времени их издания. Так в период 1989–1990 годов оно составляет в целом всего 11 статей (2,8% от общего количества), в период 1999–2000 гг. – 21 статью (5,1% от общего количества), а в период 2009–2010 гг. – 36 статей (8,3% от общего количества), при этом распределение их по всем трем периодическим изданиям примерно одинаково.

Таким образом, для анализа было отобрано в общей сложности 68 статей этнопсихологической и/или кросскультурной проблематики. Столь малое количество научных публикаций по данной проблематике – при условии ее очевидной актуальности, с одной стороны, и одновременно сильной представленности в СМИ, с другой, – объясняется, на наш взгляд, не столько отсутствием исследовательского интереса, сколько реальной неготовностью отечественного этнопсихологического сообщества дать быстрые ответы на насущные социальные вопросы этого профиля. Однако при всей

малой численности стоит обратить внимание на статистически значимое увеличение количества статей данной проблематики в период с 1989 по 2010 год.

Какие же определения концепта «язык» представлены в этих статьях с количественной и содержательной точек зрения?

Обратимся вначале к периоду 1989–1990 г.г. Существующих на тот период определений концепта «язык» количественно встречается немного, а именно всего четыре: *родной, второй родной, второй, язык национальных меньшинств*. При этом наблюдается определенная внутренняя логика их использования. Так, *родной язык* включает в себя следующие смыслы:

- знаемый с детства, язык коммуникации в родительской семье;
- противопоставленный русскому языку вообще;
- противопоставленный русскому языку, изучаемому в школе.

При этом *второй* и *второй родной* язык закономерно мыслятся как *русский*, а *язык национальных меньшинств* – как *родной*. Иными словами, на этот период в этнопсихологическом научном дискурсе фактически присутствуют лишь два смысла слова «язык», и, соответственно, как субъективная реальность рассматриваются всего «два языка» – «родной» и «русский». Интересно, что хотя они и даны в некоторой смысловой оппозиции (*родной язык* понимается как язык коммуникации в семье, иногда получая дискриминирующее определение *язык национальных меньшинств*, и противопоставленный русскому как языку большинства), однако эта оппозиция весьма относительна. Ведь одновременно русский язык понимается как *второй* по степени использования в повседневной коммуникации и, более того, как *второй родной*, свободное знание которого утверждается на школьном этапе социализации.

На период 1999–2000 г.г. картина существенно меняется. Прежде всего, значимо возрастает (до двенадцати) количество определений концепта «язык». Он характеризуется как: *первый, близкородственный, родной, второй родной, новый, национальный, иностранный, чужой, свой, второй, но родной*. Также начинают встречаться отсутствовавшие ранее определения: *...язычный* (в том числе – *русскоязычный*) и *иноязычный*. При этом сохраняются все имевшиеся ранее определения, кроме определения *язык национальных меньшинств*. Однако для сохранившихся определений характерно существенное изменение их смыслового содержания.

Так, *родной язык* перестает включать в себя смысл *знаемый с детства, язык родительской семьи* и противопоставляется уже не только и не столько русскому, сколько вообще любому *иностранному* языку. Одной из объективных причин этого можно считать тот факт, что именно в указанный временной период, как показывает ряд отечественных этнопсихологических исследований, возрастает не только и не столько коммуникативная роль родного языка, сколько его символическая функция в процессах этнической идентичности и межгрупповой дифференциации. Например, по данным исследования, проведенного в этот период и посвященного процессам этнической идентификации в Казахстане, доминирующей социолингвистической тенденцией оказался факт несовпадения языкового предпочтения и реального языкового поведения большинства населения. В результате казахский язык выступал как символ единства народа, а не как реальное коммуникативное средство (на тот исторический период 100% казахского населения считали его родным, при условии абсолютного доминирования в своей межличностной коммуникации русского языка). При этом специфика реального языкового поведения и отношение к родному языку служило основанием для межгрупповой дифференциации: наиболее враждебными к аут-группам оказались казахи, не владеющие русским, а наиболее толерантными – казахи, свободно владеющие и казахским, и русским [Донцов и др., 1997].

Скорее всего, именно для акцентирования данной символической функции термин *родной язык* в этот исторический период приобретает дополнительное смысловое усиление *первый* и *свой* – в значении «язык своей культуры», что подчеркивает и частое употребление по отношению к нему слова «национальный». Определению *свой* противостоит определение *чужой* – в значении «как ограничивающий меня в средствах коммуникации», при этом под *чужим* начинает пониматься русский язык. Значение определения *второй родной* сохраняется – под ним по-прежнему понимается «русский», но при этом появляется интересное определение *второй, но родной*, используемое по отношению к языкам «близкородственным к русскому» (в первую очередь – к белорусскому).

Появляются отсутствовавшие ранее определения *иностранный* и *новый*, использующиеся в практически сходных значениях: как «язык страны вынужденной эмиграции, но не России» и «язык коммуникации в стране эмиграции, но не в России». Интересным является также появление определения *иноязычный* (как вариант – *русскоязычный*), которое применяется не к субъекту-носителю того или иного языка, а только к какому-либо объекту (так, иноязычным может быть текст, экспансия, культура и т.п., но не человек или группа людей).

В период 2009–2010 г.г. продолжается количественное увеличение возможных определений концепта «язык». Он выступает как: *родной; новый; иностранный; второй; чужой; мой; свой; свой, родной; естественный; разговорный; местный; национальный; государственный; мировой; административный; общий; рабочий; язык доминантной группы; язык малых народов; ...язычный; иноязычный* (итого – 21 определение).

При этом смысловое поле ряда определений продолжает изменяться. Так, *родной язык* теперь включает в себя следующие смыслы:

- язык своей культуры;
- язык повседневной коммуникации (не только в семье);
- противопоставленный русскому;
- противопоставленный любому иностранному (в том числе русскому);
- «естественный» (так как знаемый с рождения);
- противопоставленный «языку другой культуры» (может быть любым).

Подчеркивание особого ценностного отношения к *родному языку* реализуется путем использования притяжательных определений *мой, свой* и даже избыточного с точки зрения смысла словосочетания *свой, родной язык*.

Принципиально изменяется значение понятия *русского языка* – он выступает как «неродной», «иностранной», «новый», «чужой», при этом в большинстве случаев подразумевается, что он является языком страны вынужденной эмиграции, в качестве которой выступает уже Россия. Однако при этом он приобретает определения «общий» и «рабочий» – как характеристики вынужденной коммуникации. Это противопоставление «своего родного» и «чужого русского» отражается и в том, что понятие «иноязычный», исчезая, однозначно заменяется на «русскоязычный». Интересно, что данное определение применяется уже не только к социальным объектам, но и к субъектам коммуникации. Определение же русского языка как «второго родного» исчезает полностью.

Одновременно при этом появляется целый ряд не встречавшихся ранее определений концепта «язык» (ниже они представлены по убыванию степени частотности употребления):

- *государственный* (употребляется только в правовом контексте);
- *административный* (только в правовом контексте);
- *национальный* (только в политическом контексте);
- *международный* (только в контексте политической коммуникации);
- *мировой* (только в социально-экономическом контексте);
- *разговорный* (в контексте языка повседневной коммуникации, может быть любым);
- *местный* (в значении «диалект», иногда усиливаясь местоимением «мой»);
- *язык доминантной группы* (в значении «язык любого титульного народа СНГ»);
- *язык малых народов* (используется только по отношению к народам Севера).

Эти крайне немногочисленные в процентном отношении определения (чуть более 15% от общего количества определений и контекстов, применяемых по отношению к *родному* и *русскому* языку), отражают, тем не менее, весьма значимую социальную и лингвистическую реальность – утверждение в общественном сознании следствий языковой политики суверенных республик на территории бывшего СССР.

Выводы

Существенное количественное и качественное увеличение смысловых характеристик понятия «язык» на протяжении всего изучаемого временного периода от 1989 до 2010 года отражает объективную динамику лингвистической и – прежде всего – социокультурной ситуации за этот исторический отрезок времени. На период 1989–1990 г.г. социолингвистическое пространство нашей страны в этнопсихологическом дискурсе выступало как достаточно однородное и структурированное с точки зрения вкладываемых в него «языковых» смыслов в лучшем случае лишь дихотомически. К настоящему моменту (2009–2010 г.г.) оно не только смыслово усложняется и диверсифицируется, но и фактически «размывается», что доказывается отсутствием в нем четких структурных оппозиций. С нашей точки зрения, это свидетельствует о следующих тенденциях.

Во-первых, представляется возможным утверждать, что сегодня коммуникативная и этнодифференцирующая функции языка более не являются центральными – ни как объективная реальность, ни как реальность научного дискурса, во всяком случае этнопсихологического. Ведущая роль однозначно начинает отводиться символической функции языка – он мыслится только как основание национальной идентификации, за которой часто не стоит реальное языковое поведение.

Во-вторых, подобная терминологическая ситуация отражает реальный социолингвистический конфликт в ряде регионов постсоветского пространства, а именно – невозможность выполнения бывшими *родными* языками, ставшими *государственными* и/или *национальными*, всего набора социальных функций в противовес русскому языку, который, субъективно оказавшись *чужим*, *новым* и даже *иностранном*, эти функции выполняет более успешно.

В-третьих, представляется, что подобная ситуация может быть оценена более широко – как конфликт социокультурного уровня, который состоит в следующем. Будучи основным символическим средством национальной идентификации, родной язык при этом не становится основанием социокультурной идентичности в силу своей слабой способности (в ряде случаев) к выполнению функции трансляции ценностей эмоционального и культурного порядка. Но при этом и русский язык, даже будучи *общим* и *разговорным*, также не выполняет уже этих функций – в силу своей утвердившейся (и политически, и лингвистически) *чуждости*. В результате субъект этой «разорванной» лингвистической реальности становится человеком столь же «разорванного» самосознания и идентичности – национальной, гражданской, социокультурной.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект 09-06-95321 а/фр.

Литература

Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: Изд-во Моск. психол.-соц. ин-та, 2009.

Бергер П., Лукман Т. [Berger P., Luckmann T.] Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.

Вундт В. [Wundt W.] Проблемы психологии народов // Преступная толпа. М.: Институт психологии РАН: КСП+, 1998. С. 195–308.

Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. N 4. С. 75–86.

Потебня А.А. Мысль и язык. М.: Лабиринт, 2010.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН: Академический проект, 1999.

Шпет Г.Г. Введение в этническую психологию // Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М.: Изд-во Ин-та практ. психологии, 1996. С. 261–372.

Gergen K. Realities and Relationships: Soundings in Social Construction. Harvard: HUP, 1994.

Giles H. Language and Social Psychology. Bradac: Edvard Arnold, 1982.

Поступила в редакцию 26 марта 2011 г. Дата публикации: 26 августа 2011 г.

[Сведения об авторе](#)

Белинская Елена Павловна. Доктор психологических наук, профессор, кафедра социальной психологии, факультет психологии, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия
E-mail: Elena_belinskaya@list.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Белинская Е.П. Смысловые характеристики понятия «язык» в современной российской этнопсихологии (на материале научных периодических изданий) [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 4(18). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421100116/0047.

[Последние цифры – номер госрегистрации статьи в Реестре электронных научных изданий ФГУП НТЦ "Информрегистр". Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

[К началу страницы >>](#)